

Т. Р. Душенкова

Понятие мӧзмон 'тоска' в удмуртском языке

Аннотация. В статье рассматривается понятие мӧзмон 'тоска, скука' в удмуртском языке. Целью работы является выявление специфических для удмуртской ментальности представлений тоски. Актуальность и новизна исследования заключается в том, что изучением концептов практически не занимались, и данный вопрос совершенно не освещен в удмуртском языкознании. В ходе исследования было выявлено, что для удмуртского менталитета особо значимым оказывается понятие ностальгия, тесно связанное с синонимическими отношениями с тоской. Считается, что удмурты более всех из финно-угорских народов подвержены этому чувству. Песенный фольклор изобилует так называемыми жалобными песнями. В удмуртском узусе с чувственной сферой внутреннего мира человека непосредственно связан концепт кӧт 'живот / утроба' и сюлэм 'сердце', тогда как лул 'душа' выступает нечувственной субстанцией, субстанцией жизни. Для концептуального поля Чувства удмуртов доминирующим оказывается концепт страдание: курадӓон 'мученье, мука, страдание', куректон 'страдание, горе, печаль', кайгу 'горе, скорбь, печаль', жож, кӧтжож 'печаль, грусть', мӧзмон 'скука, тоска'. Понятия курадӓон, куректон, лӧж, кӧтлӧж в синонимическом отношении стоят в одном ряду с тоской, но в них усилена доминантная сема – страдание.

Ключевые слова: понятие мӧзмон и куректон, ностальгия, синонимы, ментальность удмуртов.

T. R. Dushenkova

The concept "mӧzmon" (melancholy, anguish) in the Udmurt language

Abstract. The article deals with the concept "mӧzmon" (melancholy, yearning, anguish, boredom) in the Udmurt language. The paper aims to demonstrate ideas about longing which are specific to Udmurt mentality. The issue is considered to be topical and novel as concepts have not been virtually studied thus far and this problem has never been discussed in the Udmurt linguistics. The research revealed that the concept "nostalgia" which is closely related to melancholy is particularly significant for Udmurt mentality. The Udmurts are considered to be more prone to this feeling than any other Finno-Ugric peoples. Folk songs comprise an abundance of so-called plaintive songs. In the Udmurt language the sensual aspect of human inner world is directly connected with the concept кӧт 'belly / womb' and сюлэм 'heart', whereas лул 'soul' is believed to be an unsensual substance, substance of life. The concept 'suffering' dominates in the Udmurt conceptual field of feeling: курадӓон 'torment, torture, suffering', куректон 'suffering, sorrow, sadness', кайгу 'grief, mourning, sorrow', жож, кӧтжож 'sorrow, sadness', мӧзмон 'boredom, longing'. The terms курадӓон, куректон, жож, кӧтжож are synonymous with the Russian word тоска 'melancholy', but their dominant seme is suffering.

Key words: concepts "mӧzmon" and "kurekton", nostalgia, synonyms, Udmurt mentality

Понятие тоска связано с универсальным базовым грусть, сплин, хандра, меланхолия [1, 363]. Выделяют тоску по прошлому, тоску по родине и т. п. Кроме того, тоска связана с одиночеством, изоляцией и уединением [2, 186]. «Одиночество обязательно связано с переживаниями, возникшими в результате неудовлетворенности связями с внешним миром. Недаром С. Вейс говорит об одиночестве как об эмоциональном состоянии, включающем в себя эмоциональную и соци-

альную изоляцию. Одиночество – тяжелое эмоциональное переживание, овладевающее мыслями и поступками личности. Оно бывает двух видов: 1) когда человек отчуждается от самого себя, от своего опыта от функционирования своего организма. Это следствие сбоя в восприятии или усвоении стимулов, способствующих развитию организма и его самосохранению; 2) связан с оценкой качества взаимоотношений с другими людьми или (не)приятием человеком самого себя на фи-

зиологическом и психологическом уровнях. Изоляция подразумевает отсутствие связей с внешней средой. Уединение – добровольный уход от контактов с окружающими.

Особым видом тоски является также ностальгия. «Ностальгия (греч. *nostos* – возвращение, отправление, путешествие и *algos* – боль, страдание) – тоска по родине или дому в случае долгого отсутствия там» [1, 224]. Это и тоска по прошлому, особенно сильно проявляющаяся у эмигрантов после некоторого срока проживания за границей. По мнению Н. С. Хрусталева (1997) ностальгию следует рассматривать как устойчивое психическое состояние, отражающее эмоциональное и социальное неблагополучие человека в чужом обществе» [2, 189].

Для удмуртской языковой картины мира (ЯКМ) особо значимой является ностальгия. Этнограф В. Е. Владыкин в одной из своих работ пишет: «...непреодолимая тоска по дому, родине, где все свои, где всё до боли родное... Для удмурта с его традиционной природной / лесной финно-угорской ментальностью это было чрезвычайно, жизненно важно. Думается, одной из составляющих духовного слома современного удмурта можно считать насильственный отрыв от корней, от "почвы" его питающей, в том числе и экологическую метаморфозу, когда существенно изменилась природная среда обитания: удмурты из лесных жителей превращаются в лесостепных и даже степных... Ваньмыз умой, улйськом но узыр гинэ кадь, ваньмыз вань отын, но губияны ке уг ветлйськы, кёты уг тыры 'Всё там хорошо, и живём, кажется, вполне зажиточно, всё есть, только вот если не схожу в лес по грибы, у меня сердце не успокаивается'», букв.: 'живот / желудок не наедается' [3, 11–12].

Но и это еще не все. Считается, что из всех финно-угорских народов, удмурты самый тоскующий народ. Уезжая далеко от родины, на чужбину, они больше всех тоскуют, и стремятся вернуться домой (дорлэсь мёзмон 'тоска по дому' дорезлэсь мёзмонэз гадь пушказ пыдло карьяськиз 'тоска по дому глубоко поселилась в внутри / груди'). Может поэтому у удмуртов столько жалобных песен [4, 5]. Так, И. Пчеловодова в своей книге отмечает, что «наиболее чувство ностальгии проявляется в песнях сибирских уд-

муртов. Покинув свои края в начале XX века во время проведения Столыпинской реформы, некоторые удмуртские семьи переселились в Сибирь. Их лирика отражает любовь к родным местам и желание увидеть их снова, тяжелую и трудную дорогу в незнакомые края, связанную с различными трудностями и испытаниями» [4, 86]. Чувство тоски доминирует в других лирических песнях, связанных с мотивами рекрутства, расставания, женитьбы, сиротства, сожаления и переживания, ностальгии, уходящей / проходящей молодости и т. п. Вот почему считается у удмуртов, что человек, который любит петь – несчастен. Наряду с лирическими песнями, у северных удмуртов особо выделяется жанр внеобрядовых песен-импровизаций *веськыт крезь, курекьяськон / кёт куректон крезь* (постоянный / на все случаи жизни, страдальческий / горестный напев).

Возможно, именно эта особенность лежит в основе и другого качества – «удмурты прекрасно встречаются и очень трудно расстаются» [3, 14]. «Ум люкиське, ум люкиське, ноку но ум люкиське...» 'Не расстанемся, не расстанемся, никогда не расстанемся...' – слова одной известной песни, которую поют при расставании, при проводе гостей.

Та яратон туганъёсылэсь мон люкиськыса кыли ке,

Адэо меда туж мёзмон, ой, вакытам [5, 179].

'Если я расстанусь со своими родственниками,

Увижу ли их тогда, когда очень буду тосковать по ним? (перевод Душенкова Т. Р.).

Это особая песенная традиция передавалась из поколения в поколение. Ведь аграрная культура не позволяла часто встречаться родственникам – земля, хозяйство не отпускали. Жизнь крестьянина была строго регламентирована полевыми сезонными работами, календарными обрядами и праздниками.

Понятие тоска в удмуртском языке реализовано такими лексемами как *мёзмон* и *куректон* 'уныние, меланхолия, печаль, грусть, тоска' [6, 154]. *Мкзмон, мкзмытлык* 'скука, тоска'; *мкзмылэс* 'скудный, скучноватый, тоскливый || скучно, скучновато, тоскливо'; *мкзмыны* 'сучать, тосковать,

соскучиться' (нылылэсь мкзмисько '1) скучаю по своей дочери 2) скучаю по своей девушке'); мкзмыт 'скучный, тоскливый || скучно, тоскливо' [7, 438]. В этимологическом плане «мкзмыны 'скучать', коми мозмыны 'посчастливиться', моздыны 'приятись по вкусу; нравиться'; ненец мэсана 'годное к употреблению', мэсь 'довольно, достаточно'. В общепермскую языковую общность употреблялось в значении 'приятный, подходящий'» [8, 173].

Наиболее ярко категория тоски представлена в удмуртских песнях. Пословицы и поговорки довольно скупо раскрывают данное эмоциональное переживание: Сюлэм пырем мөзмонэз пушмульы көмез сямен уд кушты 'тоску, зашедшую в сердце, как скорлупу ореха, не сбросишь'; Мөзмыт мылкыдзэ куныан нюлыштэм букв. 'тоску теленок слизнул', т. е. быть в настроении [9, 74].

Мөзмон, с одной стороны, эксплицирует состояние скуки, т. е. неприятное чувство, которое испытывают при отсутствии дела, при потере интереса к окружающему, с другой стороны, выражает чувство одиночества при отсутствии родного близкого для человека (тоска). Н-р, мөзмыны анай-атайлэсь, шаерлэсь, сузэрлэсь, туганлэсь 'скучать / тосковать по родителям, родине, сестре, другу'. В данных сочетаниях речь идет не столько о мучительно-болезненном чувстве, сколько об определенном отношении агенса к названному объекту или субъекту. В лексеме мөзмон в значении тоска не актуализирована характерная для русской картины мира безнадежность, полное неприятие действительности, отчаяние. Мөзмон определяется как чувство, охватывающее человека целиком, как проникающее тайно и неагрессивно, при этом человек не противостоит ей (например, мөзмоньёс пыцало букв. 'тоска просачивается / проникает', причем в удмуртском языке мөзмон используется во множественном числе (суффикс -ёс), что совершенно не приемлемо для русского).

В рамках макроконцепта Чувство значимым для русских является концепт тоска (тоска, уныние, печаль, грусть), который выражает неприятное при отсутствии желаемого. Несомненно, лексемы, репрезентирующие данный концепт, отличаются по глубине переживаемого чувства. Доминантной лек-

семой данного лексико-семантического поля, безусловно, выступает тоска. Связь специфически русских концептов душа и тоска довольно подробно проанализирована в исследованиях А. Вежбицкой [10], а также в работах других ученых [11–14 и др.]. В лингвокультурном сообществе за ним, как правило, закреплены две фоновые семантические доли: 1) тоска мыслится как общее состояние души, гнетущее чувство воспринимается как физическая боль, причиняющая страдание; 2) в сочетаниях типа тоска по родине, по родителям и т. д. Значение лексемы претерпевает некоторый сдвиг. В данном случае актуализируется неодолимо-сильное желание встречи, воссоединения с отсутствующим объектом или субъектом.

В удмуртском узусе с чувственной сферой внутреннего мира человека непосредственно связан концепт көт 'живот / утроба' [15] и сюлэм 'сердце', тогда как лул 'душа' выступает нечувственной субстанцией, субстанцией жизни. Для концептуального поля Чувства удмуртов доминирующим оказывается концепт страдание: курадзон 'мученье, мука, страдание', куректон 'страдание, горе, печаль' (букв. 'жгучая боль, жжение'), кайгу 'горе, скорбь, печаль', жож, көтжож 'печаль, грусть', мөзмон 'скука, тоска'. В удмуртском языке понятия курадзон, куректон, лож, көтлож в синонимическом отношении стоят в одном ряду с тоской, но в них усилена доминантная сема – страдание. Указанные лексемы в значении печаль, скорбь ближе к горю, страданию.

Концепт тоска в удмуртских переводах был рассмотрен Е. Ельцовой. «В основе русской чувственной сферы внутреннего мира человека выделяются непонятная, таинственная тоска, с которой коррелирует печаль, грусть, уныние. Для удмуртской сетки координат актуальными является концепт страдание, что выражается как в разработанности данного лексико-семантического поля, так и в последовательных лексических трансформациях (тоска – куректон, кайгу, лож и т. д.). Слово тоска, по-видимому, следует отнести к разряду безэквивалентной или частично эквивалентной лексики, т. к. тоска является специфически русским понятием (как и душа). Значение лексемы мөзмон лишь частично покрывает семанти-

ческое поле слова тоска. Для русской ментальности тоска – непонятное и таинственное чувство, тогда как концепт страдание в удмуртском языковом сознании лишен таинственности и скрыт от внешнего наблюдения, локализован в сердце / в глубине души» [16, 196]. Исследователь выявляет, что зачастую при переводе такое несоответствие значений в рамках одного слова приводит к ассиметрии смысла исходного и переводного текстов.

В диалектах могут использоваться и другие слова: жуматскыны ‘быть печальным (грустным, жалким), хандрить’; от жум ‘1. хилый, вялый, слабый; апатичный; утомленный 2. худой’ [7, 212]. Выражение кӧт уг веська (букв. ‘живот / желудок / нутро не успокаивается’) также раскрывает состояние тоски. В одном из своих значений глагол лулӟылыны может иметь сему грусть ‘1. вздыхать, испускать вздохи; вдыхать и выдыхать; переводить дыхание 2. перен. оживать, воскресать 3. перен. вздыхать, грустить, тосковать лулӟыськыны 1. вздохнуть; вдохнуть и выдохнуть; перевести дыхание 2. перен. вздохнуть, взгрустнуть, опечалиться’ [7, 403].

Тоска, скорбь – «болезненное душевное состояние, которое в народной культуре осмысливается как результат порчи или воздействия враждебных сил; в русских заговорах выступает в качестве персонифицированного образа» [14, 296]. Существовали многочисленные обряды и профилактические средства, направленные на то, чтобы избавить человека от тоски. В русских любовных заговорах тоска осмысливается как нечто материальное, подобное пыльце или пыли; ее можно снимать с человека, переносить с места на место, складывать в котел, рассыпать, мочить и т. д.

Тоска характеризуется агрессивностью по отношению к человеку (злая тоска, не находить себе места от тоски, тоска заедает; тоска нападает, берет, гнетет, гонит, не дает уснуть), а человек пытается ей противостоять (не поддаваться тоске, бороться с тоской). В русском языке она может ассоциироваться и со вкусовыми ощущения-

ми – сладкая грусть, что невозможно в удмуртской ЯКМ (сочетания чеськыт мӧзмон нет, употребляется только со словом ум – чеськыт ум ‘сладкий сон’). Лексема мӧзмон выражает эмоциональное состояние человека и определяется как чувство, схватывающее человека целиком, как проникающее тайно и неагрессивно, при этом человек не противостоит ей. В удмуртском слове объединены значения скука и тоска, которые определяются контекстом или ситуацией общения.

Для русского языка характерны сочетания типа глубокая, невыносимая, острая, жгучая, смертельная тоска; безысходная, черная, беспросветная. Она таинственная, непонятная, иррациональная. Эти сочетания выражают интенсивность, глубину чувства; подчеркивают его сходство с болезнью, с беспросветностью. В русском лингвокультурном сообществе за понятием тоска закреплены две фоновые семантические доли: 1) тоска мыслится как общее состояние души, она оказывает глубокое воздействие на душу и человека в целом. Это гнетущее чувство воспринимается как физическая боль, причиняющая страдание; 2) в сочетаниях типа тоска по родине, по родителям и т. д., значение лексемы претерпевает некоторый сдвиг. В данном случае актуализируется неодолимо-сильное желание встречи, воссоединения с отсутствующим объектом или субъектом.

Для удмуртской ЯКМ тоска не может быть таинственной, непонятной, иррациональной. Она, скорее, скрыта от глаз. И это страдание сердца–живота, чем души. С. Васильев и В. Шибанов отмечают, что удмуртская культура замещает трагическое, загоняет его в глубь, в подтекст, а на первое место выходят метадискурсивные элементы [17].

Таким образом, в удмуртском языке понятие мӧзмон в значении ‘тоска, скука’ оказывается значимым в культуре, о чем свидетельствует и тематика лирических песен. Кроме того, понятие ностальгия становится для удмуртской ментальности основополагающим, но доминирующим оказывается понятие страдание.

Литература

1. Летягова, Т. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь [Текст] / Т. В. Летягова, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 424 с.
2. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2013. – 783 с.
3. Владыкин, В. Е. Этнические «материки» и диаспориальные «острова» в связи с исследованием проблем удмуртской этнотерритории и её динамики [Текст] / В. Е. Владыкин // Инвожо. – 2012. – № 4-5. – С. 9-16.
4. Пчеловодова, И. В. Удмуртская песенная лирика: От мотива к сюжету : монография [Текст] / И. В. Пчеловодова. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – 164 с.
5. Бойкова, Е. Б. Песни южных удмуртов: Материалы и исследования [Текст] / Е. Б. Бойкова, Т. Г. Владыкина. – Вып. 1. – Ижевск : Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. – 192 с.
6. Вахрушев, В. М. Синонимъёсын удмурт-жуч кылбугор [Текст] / В. М. Вахрушев. – Ижевск : Удмуртия, 1995. – 280 с.
7. Удмуртско-русский словарь [Текст] / Сост. Т. Р. Душенкова [и др.] ; РАН УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск : ООО «Ижевская республиканская типография», 2008. – 925 с.
8. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка [Текст] / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – 2-е изд. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1999. – 430 с.
9. Дзюина, К. Н. Средства образного выражения в удмуртском языке [Текст] / К. Н. Дзюина. – Ижевск : Удмуртия, 1996. – 144 с.
10. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
11. Волостных, И. А. Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира: лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. н. [Текст] / И. А. Волостных. – Тамбов, 2007. – 137 с.
12. Вотякова, И. А. Изучение синонимических связей в словообразовательной репрезентации концептов (на примере концепта печаль) [Текст] / И. А. Вотякова // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – Вып. 4. – 2012. – С. 136-139.
13. Димитрова, Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру : дис. ... канд. филол. н. [Текст] / Е. В. Димитрова. – Волгоград, 2001. – 173 с.
14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах [Текст] / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 5. – М. : Международные отношения, 2012. – 736 с.
15. Душенкова, Т. Р. *Kõt* как средоточие эмоций в удмуртском языке [Текст] / Т. Р. Душенкова, Г. Е. Верещагин // Традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья : сб. статей / Сост. В. М. Ванюшев, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. В. Камитова ; Отв. ред. В. М. Ванюшев ; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2014. – С. 154-166.
16. Ельцова, Е. Смысловая валентность концепта ТОСКА в тексте перевода (к соотношению русских и удмуртских вариантов) [Текст] / Е. Ельцова // Национальные культуры в процессах модернизации : материалы Всерос. научно-практ. конф. «Национальные территории России: роль культурных традиций в процессах модернизации», 17 июня 2011 г. – Кудымкар : КУДЫМКАР, 2011. – С. 193-197.
17. Васильев, С. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов) [Текст] / С. Васильев, В. Шибанов. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1997. – 304 с.

References

1. Letyagova T. V. *Tysjacha sostojanij dushi: kratkij psihologo-filologičeskij slovar'* [A thousands states of the soul: concise psycho-philological dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2006. 424 p.
2. Ilyin E. P. *Jemocii i čuvstva* [Emotions and feelings]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2013. 783 p.
3. Vladykin V. E. *Jetnicheskie «materiki» i diasporial'nye «ostrova» v svjazi s issledovaniem problem udmurtskoj jetnoterritorii i ejo dinamiki* [Ethnic «continents» and diasporic «islands» in the light of researches of problems of the Udmurt ethnic territory and its dynamics]. *Invozh* [Invozh], 2012, no. 4-5, pp. 9-16.
4. Pchelovodova I. V. *Udmurtskaja pesennaja lirika: Ot motiva k szuzhetu: monografija* [Udmurt song lyrics: From the tune to the plot: monograph]. Izhevsk: 2013. 164 p.

5. Boikova E. B., Vladykina T. G. *Pesni juzhnyh udmurtov: Materialy i issledovanija. Vyp. 1.* [The songs of the Southern Udmurts: Materials and researches. Ed. 1]. Izhevsk: Udm. in-t istorii, jazyka i literatury UrO RAN Publ., 1992. 192 p.
6. Vakhrushev V. M. *Sinonimjosyn udmurt-žuch kylbugor* [Udmurt-Russian dictionary of synonyms]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1995. 280 p.
7. *Udmurtsko-russkij slovar'* [Udmurt-Russian dictionary]. (Sost. T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, L. M. Ivshin, L. L. Karpova, L. E. Kirillova, O. V. Titova, A. A. Shibanov. Otv. redaktor L. E. Kirillova) [Comp. by T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, L. M. Ivshin, L. L. Karpova, L. E. Kirillova, O. V. Titova, A. A. Shibanov. Edit. by L. E. Kirillova]. Izhevsk: RAN UrO. Udm. in-t IYaL Publ., 2008. 925 p.
8. Lytkin V. I., Gulyaev E. S. Guljaev E. S. *Kratkij jetimologičeskij slovar' komi jazyka. 2-e izd.* [Concise Etymological Komi Dictionary. 2-nd ed.]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1999. 430 p.
9. Dzyuina K. N. *Sredstva obraznogo vyraženija v udmurtskom jazyke* [The means of expression in the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1996. 144 p.
10. Vezhbitskaya A. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: 1997. 416 p.
11. Volostnykh I. A. *Emocional'nye koncepty "strah" i "pechal'" v russkoj i francuzskoj jazykovyh kartinah mira: lingvokul'turologičeskij aspekt* [Emotional concepts "fear" and "sorrow" in Russian and French language world-pictures: linguo-cultural aspect]. Tambov, 2007. 137 p.
12. Votyakova I. A. *Izuchenie sinonimicheskijh svjazej v slovoobrazovatel'noj reprezentacii konceptov (na primere koncepta pechal')* [Study of the synonymic relations in the derivational representation of the concepts (through the concept «sadness»). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija* [Bulletin of Udmurt University. History and philology], 2012, vol. 4, pp. 136–139.
13. Dimitrova E. V. *Transljacija jemotivnyh smyslov russkogo koncepta "toska" vo francuzskuju lingvokul'turu* [Translation of emotive meanings of Russian Concept «melancholy» into the French linguistic culture]. Volgograd, 2001. 173 p.
14. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvističeskij slovar' v 5-ti tomah* [Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., vol. 5, 2012, 736 p.
15. Dushenkova T. R. *Köt kak sredotočie jemocij v udmurtskom jazyke* [Köt as the centre of emotions in the Udmurt Language]. *G.E. Vereshhagin, tradicijonnaja kul'tura i prosvetitel'stvo narodov Uralo-Povolzh'ja: Sb. statej* [G.E. Vereschagin, traditional culture and enlightenment of the peoples in the Volga-Ural region: Collected papers], Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury UrO RAN Publ., 2014, pp. 154–166.
16. El'tsova E. El'cova E. *Smyslovaja valentnost' koncepta TOSKA v tekste perevoda (k sootneseniju russkijh i udmurtskijh variantov)* [Semantic valence of the concept «MELANCHOLY» in translated texts (on correlation of Udmurt and Russian variants). *Nacional'nye kul'tury v processah modernizacii. Materialy Vseros. nauchno-prak. konf. «Nacional'nye territorii Rossii: rol' kul'turnykh tradicij v processah modernizacii»* 17 ijunja 2011 g. [National cultures in the processes of modernization. Materials of All-Russian scientific conference «National territories in Russia: the role of cultural traditions in the processes of modernization» June 17, 2011]. Kudymkar, 2011, pp. 193–197 (in Russian).
17. Vasilyev S., Shibanov V. *Pod ten'ju zjerpala (diskursivnost', samosoznanie i logika istorii udmurtov)* [Under the shadow of *zjerpal* (discursiveness, self-consciousness and logic of the Udmurt history)]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 1997. 304 p.